

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 7.

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ.

КОМЕДИЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДВѢЙСТВІИ.

НИКОЛАЯ КРЕСТОВСКАГО.

Куликов, Николай Иванович (1812–1891).
Урок мужьям : комедия-водевиль в 1 д. / [соч.] Николая
Крестовского [псевдоним Н. И. Куликова]

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛІЦА.

ИВАНЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГОРСКІЙ

АЛЕКСАНДРА АНДРЕЕВНА, его жена.

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ ОЗЕРОВЪ, богатый помѣщикъ, отставной ротмистръ.

СОФІЯ НИКОЛАЕВНА, его жена.

Дѣйствіе происходитъ въ загородномъ домѣ Горскаго.

Сцена представляет садъ, направо бесѣдка, дверью къ актерамъ, окномъ къ зрителямъ; на заднемъ планѣ заборъ съ калиткой, примыкающій къ барскому дому, изъ котораго выходъ на сцену. Посрединѣ на авансценѣ цѣтничекъ, окружающій съ 3-хъ сторонъ садовую скамью, Фруктовый деревья, цвѣты и прочія принадлежности роскошнаго сада.

I.

ГОРСКАЯ одна, сидитъ на скамьѣ и читаетъ книгу.

Безъ книгъ въ деревнѣ бѣда! Можно умереть со скуки... Мужъ мой съ гостями ловитъ рыбу, а я ненавижу эту сонную страсть... Толи дѣло книги? Напримѣръ это. О! чудный, незабвенный Пушкинъ! (*читаетъ*).

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
Сидѣла дѣва молодая.
Гуманный, неподвижный взоръ
Безмолвный выражалъ укоръ;
Блѣдна, какъ тѣнь, она дрожала;
Въ рукахъ любовника лежала
Ея холодная рука;
И наконецъ любви тоска
Въ печальной рѣчи излилася.
«Ахъ, Русскій, Русскій, для чего,
Не зная сердца твоего,
Тебѣ на вѣкъ я предалася!
Ужель на вѣкъ погибла радость?..
Ты могъ бы, плѣнникъ, обмануть
Мою неопытную младость,
Хотябъ изъ жалости одной,
Молчаньемъ, ласкою притворной;
Я услаждала-бъ жребій твой
Заботой нѣжной и покорной;
Ябъ етерегла минуты сна,
Покой тоскующаго друга,
Ты не хогѣлъ... Но кто жъ она,

Твоя прекрасная подруга?
Ты любишь, русский? Ты любимъ?
Понятны мнѣ твои страданья...
Прости-жъ и ты мои рыданья,
Не смѣйся горестямъ моимъ.»
Умолкла. Слезы и стenanья
Стѣснили бѣдной дѣвы грудь.
Уста безъ словъ ронтали пѣни;
Безъ чувствъ обнявъ его колѣни,
Она едва могладохнуть.
И пѣвникъ, тихою рукою
Поднявъ несчастную, скавалъ:
«Не плачь: и я гонимъ судьбою,
И муки сердца испыталъ.
Нѣтъ, я не зналъ любви взаимной:
Любилъ одинъ, страдалъ одинъ,
И гасну я, какъ пламень дымный,
Забутый средъ пустыхъ долинъ.
Умру вдали береговъ желанныхъ;
Мнѣ будетъ гробомъ эта степь;
Здѣсь на костяхъ моихъ изгнанныхъ
Заржавитъ тягостная пѣпь.
Свѣтила ночи затмѣвались;
Въ дали прозрачной означались
Громады свѣтлоснѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, потупя взоръ,
Они въ безмолвіи разстались.»

II.

ГОРСКАЯ и ОЗЕРОВЪ, въ утреннемъ деревенскомъ костюмѣ, входятъ не замѣченный, и слушая стихи, становится противъ нея, любуясь ею.

ГОРСКАЯ (по окончаніи чтенія, увидѣвъ его). Ахъ! Это вы, Павелъ Петровичъ? Ну, какъ удили?

ОЗЕРОВЪ (не отвѣчая цѣлуетъ руку Горской и потомъ смотритъ на нее съ нѣжностью).

ГОРСКАЯ (въ-сторону). Что съ нимъ? (Гролко) Вы мнѣ не отвѣчаете... я васъ спрашиваю, удачна ли была ловля?

ОЗЕРОВЪ. Помилуйте, я тамъ началъ дремать... вдругъ, какая-то рыба такъ рванулась съ крючкомъ, что я удочку выпустилъ изъ рукъ и чуть самъ не упалъ въ воду.

ГОРСКАЯ. Ха, ха, ха! это преуморительно!

ОЗЕРОВЪ. Вашъ почтенный супругъ съ моею дражайшею половиною досихъ-поръ хохочуть на домной. Вотъ у нихъ такъ страсть къ этой скучной ловлѣ... Я не понимаю, что тутъ хорошаго.

ГОРСКАЯ. А какъ же Sophie увѣряла, что вы любили эту забаву?

ОЗЕРОВЪ. Да, я любилъ ее въ прежнія времена, отъ нечего дѣлать.

ГОРСКАЯ. А теперъ разлюбили?

ОЗЕРОВЪ. Терпѣть не могу.

ГОРСКАЯ. Странно!

ОЗЕРОВЪ. Вотъ видите, Александра Андреевна, когда мы, празднующійся народъ, съ пустымъ сердцемъ и холодной душой, не находимъ предмета, достойнаго души и сердца, тогда вымышляемъ подобныя забавы, чтобъ только убить время.

Безъ дѣла я, мнѣ нуженъ моционъ:

Съ кѣмъ въ рукахъ — хожу вокругъ бильярда;

Я пресыщенъ, я жизнью утомленъ.

И въ карты ночь играю до азарта;

Позавтракавъ, мнѣ надо отдыхать:

Тамъ съ удочкой, — здѣсь съ трубкой на диванѣ;

А для того, чтобъ даромъ не дышать,

Отъ скуки я играю на чеканѣ.

Но когда встрѣтишь предметъ любви, когда сердце и душа заняты одною только мыслію, тогда совѣмъ перерождаешься, начинаешь жпть новою жизнью... лѣнность, праздность, охота, рыбная ловля, вся это дурь пройдетъ.

ГОРСКАЯ. Понимаю: любовь къ хорошенькой жеиѣ истребила страсть къ рыбной ловлѣ... не такъ ли?

ОЗЕРОВЪ. Совѣмъ не такъ; жена ни въ чемъ не измѣнила меня.

ГОРСКАЯ. Не понимаю... Что-жь заставило васъ измѣниться? (*Озеровъ молча смотритъ на Горскую*). Вы молчите?

ОЗЕРОВЪ. Молчу, потому-что о многомъ думаю.

ГОРСКАЯ. Думаете! Нельзя ли думать вслухъ? Это будетъ и учтивѣе и не такъ скучно.

ОЗЕРОВЪ. Думать вслухъ? О какъ бы мнѣ хотѣлось открыть свою думу... но... всему есть границы; при васъ я не смѣю, не могу всего высказать...

ГОРСКАЯ (*перебивая*). А! Въ такомъ случаѣ я и не требую невозможнаго. (*Въ-сторону*). У него что то недоброе на умѣ? (*Вслухъ*). А знаете ли, что я замѣчаю: прежде вы были гораздо любезнѣе, веселѣе. Не скучно ли вамъ у насъ? Я, какъ хозяйка, объ этомъ васъ спрашиваю.

ОЗЕРОВЪ. Прежде я былъ вѣтренъ, глушь, человѣкъ безъ чувства, безъ души... прежде я не зналъ васъ...

ГОРСКАЯ (*въ большомъ удивленіи*). Что такое?

ОЗЕРОВЪ. Проклинайте меня, браните, откройте все моея женѣ, предайте меня вашему мужу, мнѣ все—равно... жребій брошенъ, я не могу таить любви моей къ вамъ.

ГОРСКАЯ (*смиется и напѣваетъ*). Ah, bravo, Figaro, Bravo bravissimo. Да вы славный актеръ; я и не знала за вами этого таланта. Вѣдь какъ натурально прикинулся влюбленнымъ.

ОЗЕРОВЪ (*нѣсколько смущенный*). О! не смѣйтесь надо мною, умоляю васъ! Я открылся предъ вами въ любви, зная, что это преступленіе... но что-же мнѣ дѣлать, когда я не въ силахъ молчать, потому-что люблю васъ, какъ безумный! Я ничего не надѣюсь, не смѣю ждать взаимности;—только умоляю объ одномъ: не смѣйтесь надо мною, не презирайте меня, позвольте мнѣ любить, страдать безнадежно—и я счастливѣйшій человѣкъ на свѣтѣ.

ГОРСКАЯ (*серьозно*). Послушайте... то, что я слышала сейчасъ, можетъ быть понято двояко: или вы говорили серьезно, въ такомъ случаѣ это оскорбленіе, котораго я не заслужила, и которое, несмотря на дружбу мою съ вашей женой, заставило-бы меня просить васъ оставить мой домъ; если же все сказанное вами шутка, комедія, сцена, превосходно вами разыгранная, то я готова отъ всей души посмѣяться этой забавной выдумкѣ.

ОЗЕРОВЪ. Вы ангель! вы такая красавица, какихъ на свѣтѣ нѣтъ... и думаете, что я шучу. Нѣтъ я съ ума схожу отъ любви къ вамъ! Если вамъ угодно, чтобъ я уѣхалъ, я уѣду; умру съ тоски, а уѣду. Но повторяю, что люблю васъ и буду любить до гроба!.. И такъ... и такъ првкжете проститься съ вами?

ГОРСКАЯ (*подумавъ, потомъ улыбалась и перелистывала книгу, говоритъ*). Проститься... нѣтъ; но до свиданія.

ОЗЕРОВЪ (*въ восторгѣ*). Что я слышу! Какое счастье!

ГОРСКАЯ (*хладнокровно*). Чему вы обрадовались? Во-первыхъ я не хочу огорчать вашу жену и унижать васъ передъ моимъ мужемъ; а во-вторыхъ я любовь ваша мнѣ неопасна (*Смотря въ книгу*). Вотъ кетати, послушайте мнѣніе Пушкина, «Чѣмъ меньше мы стараемся нравиться женщинамъ, тѣмъ больше мы ей нравимся». А согласитесь, что вы не такъ ловко начали? Притомъ же вы согласны любить и безъ надежды... (*Смильсь и уходитъ*). Тутъ ужъ для меня рѣшительно нѣтъ ни малѣйшей опасности, и я вамъ снова повторяю: до свиданія. (*Уходитъ смѣясь*).

III.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Гмъ! вотъ что-сь. Всякій на моемъ мѣстѣ повѣсилъ бы носъ... а я... не даромъ она вспомнила о Фигаро! Вы, душечка, хороши, какъ Су-саиша, даже лучше ея; зато и я похитрѣ графа Альмавивы. И Пуш-кинъ правъ съ одной стороны, но я помню дѣдушку Крылова: «Что въ сердцѣ лстецъ всегда отыщеть уголокъ». Притомъ же у меня своя метода: я бю навѣряка.

IV.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА, входя въ каютку.

ОЗЕРОВА. Ты здѣсь? Ахъ, сколько мы съ Иваномъ Михайловичемъ наловили окуней! А ты, Поля, какой неловкій! Мы все хохотали надъ тобой.

ОЗЕРОВЪ. Да, да, я всю дорогу слышалъ вашъ адскій смѣхъ.

ОЗЕРОВА. Я нарочно торопилась сюда, чтобъ рассказать Александрицѣ, какъ тебя шука въ воду стащила.

ОЗЕРОВЪ. Она ужъ знаетъ, я сей-часъ самъ рассказывалъ; она тоже осмѣяла меня. (*Въ-сторону*). Странная вещь, мнѣ передъ ней немножко совѣстно. (*Вслухъ*). Прощай.

ОЗЕРОВА. Куда же ты?

ОЗЕРОВЪ. Надо переодѣться.

ОЗЕРОВА. Ну, хорошо, иди и приходи скорѣй сюда; сядемъ въ розовомъ павильонѣ; я буду читать, а ты пожалуй засни, мнѣ и это пріятно: я все такъ буду съ тобой; хорошо? (*Горская выходитъ, и замѣтивъ, что Озеровъ хочетъ идти изъ дому, останавливается за павильономъ, и дѣлаетъ Озеровой знакъ, чтобы она ничего не говорила*).

ОЗЕРОВЪ. Хорошо, мой другъ, хорошо; подожди здѣсь, я сей-часъ. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ, въ-сторону*). Какъ она меня любитъ, а я, не-благодарный! Пойду къ той. (*Входитъ въ домъ*).

V.

ОЗЕРОВА и ГОРСКАЯ.

ГОРСКАЯ (*по выходъ Озерова хохочетъ*). Соня! душечка! какую я расскажу тебѣ диковинку, невообразимую, удивительно-невѣроятную.

ОЗЕРОВА (*смѣясь*). Ахъ, скажи, скажи пожалуйста.

ГОРСКАЯ. Изволь, но съ условіемъ, что ты будешь смѣяться точно такъ же какъ и я.

ОЗЕРОВА. Пожалуй хоть больше! Я сегодня расположена къ смѣху; мы съ Иваномъ Михайловичемъ все утро хохотали надъ моимъ мужемъ.

ГОРСКАЯ. И теперь давай смѣяться надъ нимъ же.

ОЗЕРОВА. Очень рада. Ну, что же онъ еще напроказилъ?

ГОРСКАЯ. Вообрази, мужъ твой... (*хохочетъ*).

ОЗЕРОВА. Ну?

ГОРСКАЯ. Да не могу... (*хохочетъ*).

ОЗЕРОВА (*тоже хохочетъ*). Миѣ на тебя смѣшно. Да говори...

ГОРСКАЯ (*хохочетъ*) Онъ влюбленъ.

ОЗЕРОВА. Влюбленъ! Мой мужъ влюбленъ? Въ кого же это?

ГОРСКАЯ. Въ меня.

ОЗЕРОВА. Въ тебя?

ГОРСКАЯ. Да, влюбленъ, влюбленъ въ меня. Чтожь ты не смѣешься? Ты собираешься плакать, ребенокъ... да что съ тобой, мплочка, душечка, что съ тобой?

ОЗЕРОВА (*въ слезахъ*). И ты спрашиваешь, что со мною?

Этотъ случай подстрекаетъ,
Самолюбіе твое;
Ты не знаешь, какъ страдаетъ
Сердце бѣдное мое.
Хоть твоей я вѣрю чести,
Но могу-ль быть весела?
На моемъ и ты-бы мѣстѣ
Веселиться не могла. —
О мужья, мужья, какъ больно?
Вашу вѣтренность сносить:
Вы заставите невольню,
Вамъ невѣрностью платить.

ГОРСКАЯ. Это къ чему! Слишкомъ много чести... Мужъ твой молодъ, вѣтренъ, и даже, должно сознаться, немножко самолюбивъ... такъ надо его одурачить. Я и сказала тебѣ съ тѣмъ, чтобы условиться, какъ бы хорошенько проучить его, да попрохладить излишній жаръ... (*Смотритъ въ садъ*). Ахъ, вотъ кстати и мой мужъ, онъ будетъ нашимъ сообщникомъ. Да полно же, Соничка, морщить брови, улыбнись, душечка; ужъ улыбнись же... вотъ такъ.

VI.

ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА въ задумчивости и ГОРСКИЙ.

ГОРСКАЯ. Иванъ Михайловичъ, Иванъ Михайловичъ! въ вашемъ присутствіи мы разберемъ уголовное дѣло между мужемъ и женой.

ГОРСКИЙ. Что такое случилось? Впрочемъ видно хорошія вѣсти: ты такъ весела, что любо на тебя смотрѣть... однако мы съ тобою не видались сегодня. (*Цѣлуетъ ее въ лобъ*).

ГОРСКАЯ. Помилуйте, гдѣ же вамъ видѣться со мною, когда вы чѣмъ свѣтъ встаете и ухаживаете за нашей гостьей: вотъ какую рыбку вы ловите!..

ГОРСКИЙ. Такъ, это меня-то вы и собираетесь отдать подъ судъ?

ГОРСКАЯ. Советъ нѣтъ, и хоть вы тоже грѣшный человѣкъ, но съ вами послѣ расправа будетъ. Взгляните на эту бѣдняжку: вотъ жертва, я донощикъ, вы судья.

ГОРСКИЙ (*взглянувъ на Озерову*). Въ-самомъ-дѣлѣ, что это значить? Я недоволенъ этимъ печальнымъ личкомъ, которое привыкъ видѣть веселенькимъ. Что съ вами Софья Николаевна? (*Озерова закрываетъ лицо платкомъ*).

ГОРСКАЯ. Не спрашивай ее, мой другъ. Я все тебѣ расскажу послѣ, только нездѣсь. Ты также, Соничка, приходи въ мою комнату. Ахъ, да вотъ нашъ злодѣй... при немъ ни слова о нашей тайнѣ.

ГОРСКИЙ. Какая тайна? Я вѣдь ничего не понимаю.

ГОРСКАЯ. И не нужно. Только будьте поразвязнѣе и ухаживайте за Соничкой.

ГОРСКИЙ. Какъ, ухаживать!

ГОРСКАЯ. Ну, разумѣется, какъ ухаживаютъ влюбленные...

ГОРСКИЙ. Не понимаю.

ГОРСКАЯ. А это ясно: бывало вы волочили тамъ многихъ по дѣламъ, теперь извольте волочиться сами.

ГОРСКИЙ. Да что ты, шутишь или серьезно?

ГОРСКАЯ. Ничего не сдѣлаешь безъ взятки. (*Цѣлуя его*). На, возьми плутъ. Тсъ! комедія начинается. Ставьте подлѣ Сонички. (*Горскій переходитъ*).

VII.

ТѢ ЖЕ и ОЗЕРОВЪ, расфранченный.

ОЗЕРОВЪ. А наконецъ всѣ наши собралось. Mesdames, что прикажете? Какую прогулку назначите? Конную или пѣшую?

ГОРСКИЙ. А вотъ, прежде позавтракаемъ, а потомъ и выдумаемъ что-нибудь.

ОЗЕРОВЪ. Честь имѣю донести, что завтракъ тамъ готовъ. (*Горскій хочетъ перейти*).

ГОРСКИЙ (*къ Озерову*). А знаешь ли что, топ сег...

ГОРСКАЯ (*ему тихо*). Стойте и говорите что-нибудь иѣжное Соничкѣ.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Да что-же говорить?

ГОРСКАЯ (*также*). «Какъ вы сегодня прелестны!»

ГОРСКИЙ (*Озеровой*). Какъ вы сегодня прелестны!

ГОРСКАЯ (*тихо*). Вдыхайте передъ ней.

ГОРСКИЙ. Ахъ!

ГОРСКАЯ. Что это, мой другъ, ты глазъ не сводишь съ Сонички, вдыхаешь, говоришь комплименты...

ГОРСКИЙ. Да ты же не.....

ГОРСКАЯ (*перебивая*). Да, да, я начинаю ревновать! А вы ничего за нимъ не замѣчаете, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ. Давно замѣтилъ. И рыбу ловятъ вмѣстѣ, и смѣются надо мной... (*Переходъ къ женѣ*). Только Иванъ Михайловичъ во всякомъ случаѣ мнѣ неопасенъ.

ГОРСКАЯ (*тихо Озеровой*). У тебя мигрень, уйди въ спальню. (*Громко*). Что съ тобой, Соня, ты что-то не весела!

ОЗЕРОВЪ (*беретъ руку жены и смотритъ съ участіемъ*). Въ-самомъ-дѣлѣ, что съ тобой?

ОЗЕРОВА. У меня мигрень.

ГОРСКАЯ. Что-жъ ты здѣсь мучишь себя? Ступай къ себѣ въ комнату, бѣдиснькая, и заирись въ ней, а я велю, чтобъ не шумѣли въ домѣ. Ступай, душечка. (*Озерова идетъ. Горская тихо мужу*). Идите за ней.

ГОРСКИЙ (*тихо ей*). Зачѣмъ?

ГОРСКАЯ (*также*). Она вамъ все объяснитъ. Да идите же. (*Горскій идетъ*). А ты куда, плутишка?

ГОРСКИЙ. Да ты же велѣ...

ГОРСКАЯ (*перебивая и толкая его*). Иди, иди. Тебѣ надо переодѣться; а я пойду на ферму.

ОЗЕРОВЪ. И вы уходите?

ГОРСКАЯ. Извините, мнѣ надо навѣстить больную на фермѣ.

ОЗЕРОВЪ. И я пойду съ вами.

ГОРСКАЯ. Итъ, итъ, оставайтесь, позавтракайте. Я сейчасъ ворочусь и мы поѣдемъ кататься. До свиданія. (*Уходитъ въ калитку*).

VIII.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

Ушла. Гмъ! боится остаться со мною наединѣ. Это хорошій знакъ. Кому же неизвѣстно, что отъ этой боязни до любви одинъ только шагъ.

IX.

ОЗЕРОВЪ и ОЗЕРОВА, вбѣгаютъ въ смущеніи.

ОЗЕРОВА. Это ужасно! это непростительно! Какъ осмѣливаться на такой поступокъ?

ОЗЕРОВЪ. Что съ тобой?

ОЗЕРОВА. Поль! намъ должно отсюда уѣхать, непременно, сей-часъ же уѣхать.

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Ай, ай, она все узнала. (*Громко*). Ыхать, мой другъ, зачѣмъ ѣхать?

ОЗЕРОВА. Затѣмъ, что меня здѣсь оскорбили.

ОЗЕРОВЪ. Оскорбили! Кто-же?

ОЗЕРОВА. Иванъ Михайловичъ.

ОЗЕРОВЪ. Горскій?

ОЗЕРОВА. Горскій.

ОЗЕРОВЪ. Вотъ это удивляетъ меня. Какъ же это случилось?

ОЗЕРОВА. Я давно замѣтила его странное поведеніе въ отношеніи ко мнѣ... онъ вздыхаетъ, говоритъ приторныя нѣжности, особляво, когда мы бываемъ вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Какъ наиримѣръ, сегодня, на рыбной ловлѣ.

ОЗЕРОВА. Да, какъ сегодня, такъ и всегда. Вотъ почему я и просила тебя бытъ всегда со мною.

ОЗЕРОВЪ (*шутя*). Ай да Иванъ Михайловичъ!

ОЗЕРОВА. Но это все бы ничего; я такъ вела себя, что и вѣду не подавала, будто понимаю его намеки. (*Съ нетерпѣніемъ*). Но ты, кажется, равнодушно это примимашь? Развѣ ты не слышишь? Горскій... Понимаешь ли ты, наконецъ, почему намъ должно отсюда ѣхать?

ОЗЕРОВЪ (*всторону*). Онъ самъ помогаетъ мнѣ. (*Вслухъ*). Не вижу, въ этомъ никакой надобности, мой другъ; напротивъ, мы не уѣдемъ, мы останемся здѣсь.

ОЗЕРОВА. Чего же ты хочешь?

ОЗЕРОВЪ. А вотъ чего, слушай: во-первыхъ, нужно согласиться на свиданіе.

ОЗЕРОВА Ты меня удивляешь, Польша.

ОЗЕРОВЪ (*оглядывая садъ*). И мѣстомъ свиданія избрать эту бесѣдку. Я потомъ объясню тебѣ, для чего все это надобно. Во вторыхъ, и это необходимо: не говори ни о чемъ его женѣ.

ОЗЕРОВА. Это зачѣмъ?

ОЗЕРОВЪ. За тѣмъ... за тѣмъ, чтобъ не опечалить ее: бѣдная, она такъ любитъ своего мужа.

ОЗЕРОВА. Странныя требованія! Согласиться на свиданіе, и тихонько отъ его жены! На что это похоже! какія послѣ этого будутъ мои отношенія къ ней. Нѣтъ, этому не бывать.

ОЗЕРОВЪ. Дитя! неужели ты думаешь, что я въ такомъ важномъ обстоятельстве дамъ тебѣ совѣтъ, не обдумавъ его? Если мы съ ними поссоримся и уѣдемъ, все сосѣди Богъ знаетъ что заговорятъ; начнутъ дѣлать разныя догадки, толки, подозрѣнія... еще пожалуй, вмѣсто его оклеветаютъ меня; сочинятъ, будто я признался въ любви его женѣ. (*Озерова съ удивленіемъ смотритъ на него*). Да, да, не удивляйся, злые языки чего не выдумаютъ! Между-тѣмъ, въ чемъ дѣло? Горскій, хоть и старъ, но увлеченъ одной изъ тѣхъ причудъ, которымъ часто бываютъ подвержены старики... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Да Горскій вовсе не старикъ...

ОЗЕРОВЪ. Т. е. онъ хорошо очень сохранился, но все-таки, повѣрь мнѣ, онъ старикъ... понимаешь? Ты должна дать ему урокъ, прочесть хорошенькую нотацию... понимаешь?

ОЗЕРОВА. Не совѣмъ. Но будь по твоему.

ОЗЕРОВЪ. Если хочешь... если въ-самомъ-дѣлѣ ты боишься быть наединѣ съ сорокалѣтнимъ Донъ-Жуаномъ, то я буду при этомъ свиданіи невидимкою, вотъ хоть въ этой бесѣдкѣ.

ОЗЕРОВА. Нѣтъ, я этого не хочу.

ОЗЕРОВЪ. Почему?

ОЗЕРОВА. Вотъ видишь, если я буду знать, что меня подслушиваютъ... тогда я плохо разыграю свою роль, престо не съ умѣю ничего путнаго сказать. Общай же мнѣ, что ты не будешь присутствовать при свиданіи моемъ съ Горскимъ.

ОЗЕРОВЪ. Изволь, общаю.

ОЗЕРОВА. Честное слово?

ОЗЕРОВЪ. Вотъ рука.

ОЗЕРОВА. И такъ покуда прощай. (*Уходитъ, но не доходя до дверей, останавливается*). Дай еще мнѣ общашіе.

ОЗЕРОВЪ Какое?

ОЗЕРОВА. Что ты не будешь брать примѣръ съ Ивана Михайловича, и никогда мнѣ не измѣнишь.

ОЗЕРОВЪ (*трагическимъ тономъ*). Можно ли мнѣ объ этомъ говорить! Стыдно, стыдно, сударыня! (*Озерова уходитъ*).

X.

ОЗЕРОВЪ одинъ.

А! вотъ что, почтеннѣйшій Иванъ Михайловичъ. Вы вздумали подражать нашему брату? Прекрасно! Еще сперва мнѣ было совѣстно немножко волочиться за вашей женой... а теперь... теперь все обратится на вашу голову!.. Есть люди, которые думаютъ, что нѣтъ существа хитрѣе женщины. Я бы желалъ посмотрѣть на женщину, которая сдумала бы меня обмануть.

XI.

ОЗЕРОВЪ и **ГОРСКАЯ**, выходятъ изъ калитки, и увидѣвъ Озерова, хотятъ уйти въ домъ.

ОЗЕРОВЪ. Не уходите, ради Бога не уходите! Мнѣ необходимо сказать вамъ два слова наединѣ. Не о себѣ, не о любви моей хочу говорить. (*Горская подходитъ къ Озерову*). Если давнишнимъ объясненіемъ я имѣлъ несчастіе огорчить васъ, то клянусь любить и страдать молча... (*Горская хочетъ уйти*). Про васъ, про васъ и про вашего мужа я хочу говорить.

ГОРСКАЯ (*возвращаясь*). Ну-съ? Что скажете хорошенькаго?

ОЗЕРОВЪ. Какъ вы думаете, почему я давеча, безъ малѣйшаго приготовления, такъ вдругъ, неожиданно, признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ. Послушайте, вы хотѣли говорить про моего мужа?

ОЗЕРОВЪ. Я про него и говорю.

ГОРСКАЯ. Какъ про него? Вы опять съ этой любовью...

ОЗЕРОВЪ. Помилуйте, вы ужъ знаете, что я васъ люблю давно и страдаю... къ чему мнѣ повторять это... Да, я бы и никогда не осмѣлился признаться въ любви.

ГОРСКАЯ. Это скучно. (*Хочетъ идти*).

ОЗЕРОВЪ (*скоро вслѣдъ ей кричитъ*). А теперь именно хочу говорить о вашемъ мужѣ.

ГОРСКАЯ (*издамы*). Котораго вы оскорбляете!.. (*Подходя*). Ну, говорите объ немъ, я васъ слушаю.

ОЗЕРОВЪ. Такъ угадайте же, почему я сегодня признался вамъ въ любви?

ГОРСКАЯ (*смѣясь*). Такъ это рѣчь о мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Именно. Вы только слушайте до конца. И такъ почему я, несмотря на мою скромность и природную застѣнчивость, вдругъ, такъ неожиданно для васъ признался въ любви? Вы не угадаете... да....

ГОРСКАЯ. Напротивъ, это очень ясно: именно потому-то вы и рѣшились на такой дерзкій поступокъ, что въ васъ нѣтъ, не только скромности и застѣнчивости, а даже извините, по моему, въ васъ нѣтъ никакого стыда!

ОЗЕРОВЪ (*трагически*). Вотъ, что я долженъ переносить за любовь мою къ вамъ!

ГОРСКАЯ. Довольно. Что же я ничего не слышу о моемъ мужѣ?

ОЗЕРОВЪ. Я не зналъ, какъ сказать, не рѣшался огорчать васъ; но вы требуете, и такъ узнайте: въ то время, какъ я любилъ васъ и молчалъ, вашъ мужъ явно волочился за моей женой.

ГОРСКАЯ (*съ притворною обидой*). Чтѣ? это ложь, ложь! Вы говорите вздоръ, и вздоръ обидный! Мы любимъ другъ-друга, наша любовь основана на взаимной довѣренности. Мужъ мой никогда не рѣшится поступить противъ супружескихъ обязанностей... и я сдѣлаю преступленіе противъ этихъ обязанностей, если буду васъ слушать...

(*Хочетъ уйти*).

ОЗЕРОВЪ (*кричитъ*). Слово и дѣло! Вы теперь не имѣете права уходить. Онъ никогда не рѣшится преступить обязанностей, говорите вы?

ГОРСКАЯ. Да!

ОЗЕРОВЪ. Вы въ этомъ увѣрены?

ГОРСКАЯ. Совершенно увѣрена.

ОЗЕРОВЪ. Такъ разувѣрьтесь. Вашъ мужъ съ самаго пріѣзда нашего ухаживаетъ за моей женой, а нѣсколько минутъ тому назадъ вошелъ въ ея комнату, объяснялся въ любви и просилъ свиданія.

ГОРСКАЯ (*съ притворнымъ изумленіемъ и негодованіемъ*). Не можетъ быть!..

ОЗЕРОВЪ. Спросите у Сони. Она была здѣсь передъ вами, и все мнѣ рассказала. Она непременно хотѣла бѣжать отсюда. Я насилу уговорилъ ее остаться (*Смотритъ съ нѣжностью на Горскую*). Волочиться за другими, тогда какъ Богъ послалъ ему жену молодую, прекрасную, очаровательную... Измѣнить такой красавицѣ... И кто-же

этотъ пэмѣиникъ? Такъ, пустой человѣкъ, глупецъ... чуть не старикъ! Это не простительно! это гнусно! (*Въ-сторону, смотря на нее*). Дѣйствуетъ, дѣйствуетъ.

ГОРСКАЯ (*въ сильномъ волненіи*). Узнайте, гдѣ будетъ свиданіе. Чтобы повѣрить тому, что вы говорите, мнѣ нужно видѣть все собственными глазами. И если вы сказали правду...

ОЗЕРОВЪ. Тогда?

ГОРСКАЯ. Тогда... О! я отомщу ему! (*Убѣгаетъ въ домъ*).

ХII.

ОЗЕРОВЪ одинъ, чрезвычайно доволенъ собой, потому **ГОРСКІЙ**

ОЗЕРОВЪ. Теперь кончено! Ревность—это опиумъ, приводящій въ опьянѣніе; только надо умѣть пользоваться ею во-время... А! вотъ нашъ амфитріонъ. (*Входитъ Горскій. Увидя его, Озеровъ принимаетъ задумчивый видъ*).

ГОРСКІЙ (*расфранченный*). А я ужъ позавтракалъ; что же вы не приходили?

ОЗЕРОВЪ. Я берегу аппетитъ къ обѣду. (*Въ-сторону*) Онъ еще можетъ ѣсть.

ГОРСКІЙ (*весело*). Я встрѣтилъ жену; она велѣла вамъ сказать, что хочетъ ѣхать верхомъ. Что вы такъ скучны, Павелъ Петровичъ?

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). А ты чему радуешься, любезный; вѣдь есть-же такіе безопасные мужья.

ГОРСКІЙ. Да полно, другъ, о чемъ думаешь?

ОЗЕРОВЪ. О женѣ.

ГОРСКІЙ. О своей женѣ! Счастливая Софья Николаевна.

ОЗЕРОВЪ. Счастливая! отчего такъ?

ГОРСКІЙ. Оттого, что вы думаете о ней. А какъ много женъ, о которыхъ вовсе не думаютъ мужья.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Какъ онъ доволенъ! Вотъ чудакъ! (*Громко*). Въ такомъ случаѣ и я скажу, счастливая Александра Андреевна, потому-что, конечно, никто болѣе васъ не любитъ жены своей и не думаетъ о ней.

ГОРСКІЙ (*улыбаясь*). Вы такъ полагаете?

ОЗЕРОВЪ. Развѣ я ошибаюсь.

ГОРСКІЙ. Хе, хе, хе! Еслибъ можно было положиться на вашу скромность, то я бы поразсказалъ кое-что.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Да это комедія (*Громко*). Ивашъ Михайловичъ, я васъ не узнаю! Да вы, просто, повѣса.

ГОРСКІЙ. Я второй Донъ-Жуанъ!

ОЗЕРОВЪ. Вы пожалуй и до меня доберетесь?

ГОРСКІЙ. Пожалуй.

ОЗЕРОВЪ. А дружба?

ГОРСКІЙ. Въ этихъ случаяхъ я дружбу подъ сукно.

ОЗЕРОВЪ. Молодецъ!

ГОРСКІЙ. О! я ужасный человекъ! Я часто нарочно рассказываю в се мужьямъ; такъ сказать предупреждаю ихъ; и все-таки обману:

ОЗЕРОВЪ. Да вы просто разбойникъ! Ну, а если съ вами кто-нибудь тоже сдѣлаетъ? У васъ же такая красавица жена...

ГОРСКІЙ. Никому не удастся: я такъ ее настроилъ, что она любитъ меня безъ памяти, и совершенно увѣрена въ моей любви.

ОЗЕРОВЪ (*тихо*). Какъ самолюбивъ, уродъ! (*Вслухъ*). Смотрите, не попадитесь въ просакъ.

ГОРСКІЙ. Да, неугодно-ли понробовать?

ОЗЕРОВЪ. Куда мнѣ! (*Въ-сторону*). Я же докажу тебѣ дружбу.

ГОРСКІЙ. Современемъ я вамъ расскажу все мои похождения; это вамъ пригодится... вы еще молоды, неопытны, я васъ сформирую.

ОЗЕРОВЪ. Покорно васъ благодарю.

ГОРСКІЙ. Надо, чтобъ жены наши любили насъ, вѣрили намъ, а главное, чтобы сами были откровенны во всемъ.

ОЗЕРОВЪ (*въ-сторону*). Просто комедія! О! Мольеръ! гдѣ ты? Ха, ха, ха, ха! (*Оба хохочутъ, пожимая руки другъ другу. Въ-сторону*). Погоди же, пріятель!

ГОРСКІЙ (*въ-сторону*). Погоди же, предатель!

XIII.

ТѢХЪ П ГОРСКАЯ, въ амазонкѣ.

ГОРСКАЯ. Какое у васъ веселье! А я пришла разлучить Ореста съ Пиладомъ. Monsieur Озеровъ! вы мой кавалеръ. Этого господина съ мѣста не сдвинешь, а Sophie все еще страдаетъ отъ мигрена. Поѣдьте вдвоемъ.

ОЗЕРОВЪ. Я къ вашимъ услугамъ.

ГОРСКАЯ. Прекрасно. (*Дѣлаетъ знакъ Горскому, чтобъ онъ вышелъ*). А ты куда?

ГОРСКИЙ. Я черезъ садъ пройду къ управителю: проклятые счеты! Нужно отдать еще кое-какія приказанія; я тотчасъ ворочусь, а между-тѣмъ пошлю въ городъ за докторомъ для Софьи Николаевны.

ГОРСКАЯ. Поцѣлуй же меня, мой другъ. Мы скоро воротимся. Прощай, прощай. *(Тихо показывается, чтобъ онъ ушелъ нальво).*

ОЗЕРОВЪ. До свиданія, Донъ-Жуанъ.

ГОРСКИЙ. До свиданія, Нулицъ. Проучать онъ тебя! *(Озеровъ и Горская уходятъ въ калитку. Горскій закулисы нальво. На сценѣ нѣсколько секундъ нѣтъ никого).*

XIV.

ГОРСКАЯ И ОЗЕРОВЪ.

ГОРСКАЯ *(выходя тихо и смотря за мужемъ).* Онъ далеко. Никого нѣтъ. Гдѣ же назначено свиданіе?

ОЗЕРОВЪ. Здѣсь въ саду, даже въ этой бесѣдкѣ: я такъ и просилъ жену назначить... Соня сейчасъ выйдетъ...

ГОРСКАЯ. Смотрите! Бѣда, если вы солгали на моего мужа.

ОЗЕРОВЪ. Тогда дѣлайте со мной, что хотите. А если вы сами убедитесь во всемъ, тогда...

ГОРСКАЯ. Тогда... я знаю что мнѣ дѣлать.

ОЗЕРОВЪ *(въ-сторону).* Она моя! *(Смотря нальво).* Вотъ, вотъ и звѣрь нашъ идетъ въ западню. Спрячесь, — мужъ вашъ возвращается. Вотъ павильонъ, изъ котораго мы услышимъ все, что здѣсь говорится.

ГОРСКАЯ. Все это прекрасно придумано. Пойдемте. *(Оба подходятъ направо отъ актеровъ къ павильону).* Войдите скорѣе, кажется идутъ. *(Вталкиваетъ его въ дверь).*

ОЗЕРОВЪ *(въ дверяхъ, оборачиваясь).* А вы, развѣ не войдете со мной?

ГОРСКАЯ. Нѣтъ, я здѣсь буду въ кустахъ; не забывайте, что я еще ни въ чемъ неувѣрена! *(Запираетъ за нимъ дверь ключемъ, снаряжи).*

Ты обмануль Пизада,
Такъ тебѣ и надо,
А я Ореста,
Не выпущу изъ подъ ареста!..

(Проходя мимо публики и показывая на ключъ). Bravo! bravo! я, кажется, сочиняю стихи; хоть и не такъ хороши, ну, да онъ лучшихъ и не стоитъ!

ОЗЕРОВЪ (*показываясь въ окнѣ, противъ зрителей*). Скучновато мнѣ будетъ одному; но почему не перетерпѣть минуту скуки;— тѣмъ пріятнѣе будетъ вознагражденіе. Поесѣюсь же я надъ этимъ сорокалѣтнимъ мотылькомъ. (*Горская, между-тѣмъ, какъ онъ говоритъ, подходитъ тихонько къ дому и выводитъ Озерову*).

XV.

ГОРСКІЙ, ГОРСКАЯ, ОЗЕРОВА смѣются тихо. ОЗЕРОВЪ въ павильонѣ.

ГОРСКАЯ (*входящему мужу*). Да ну, неловкій волокита! Насплю ноги волочить. Начивайте, начивайте... онъ тамъ.

ГОРСКІЙ (*съ притворною пѣжностью*). Sophie, Sophie! Войдите, никого нѣтъ.

ОЗЕРОВА. Точно—ли никого нѣтъ?

ГОРСКІЙ. Рѣшительно никого; мы одни, прекрасная Sophie. А наши бѣдняжки скачутъ теперь по полямъ. Сядьте сюда... (*Горскій садится на одинъ конецъ скамьи, Озерова на другой. Горская посрединѣ. Озерова громко хохочетъ*).

ОЗЕРОВЪ (*въ павильонѣ*). Чему она обрадовалась? Какъ хохочетъ?

ГОРСКІЙ. Чему вы такъ весело смѣетесь?

ОЗЕРОВА (*продолжая хохотать*). Вашей удивительной выдумкѣ.

ГОРСКІЙ. Вотъ видите, а вы боялись.

ОЗЕРОВА. Да какъ же не бояться: мнѣ казалось, что онъ ужъ началъ подозревать мою любовь къ вамъ.

ОЗЕРОВЪ (*въ павильонѣ*). Что такое?

ГОРСКІЙ. Для того то я и научилъ васъ пожаловаться ему на меня. Ну, расскажи, Sophie, какъ онъ это прінялъ?

ОЗЕРОВА. Очень покойно, потому—что онъ самолюбивъ; и теперь совершенно увѣрекъ во мнѣ.

ОЗЕРОВЪ (*про себя, въ окнѣ*). Что—жъ это такое! Хоть бы мнѣ провалиться сквозь землю!

ОЗЕРОВА. Ваша образцовая выдумка уничтожила всякій поводъ къ недоувѣрчивости. Я такъ и сказала ему, что вы мнѣ признались въ любви и просили свиданія; но что я этимъ оскорблена, и хочу непременно ѣхать; онъ сталъ уговаривать меня остаться, а потомъ настоялъ, чтобъ я пришла на свиданіе; вотъ услужливый мужъ. (*Оба смѣются*).

ОЗЕРОВЪ. Какое безстыдство! Въ какомъ вѣкѣ мы живемъ?..

ОЗЕРОВА. Онъ знаетъ, что я теперь съ вами здѣсь наединѣ, и совершенно спокоенъ. Правда, что онъ поручилъ мнѣ отдѣлать васъ хоро-

шенько, прочитайте нотацию, просто одурачить васъ, и совершенно увѣренъ, что комиссію его я исполню въ точности. (*Оба хохочутъ*).

ОЗЕРОВЪ. Боже мой! до чего дошли нынче женщины!

ГОРСКІЙ. Sophie! вы восхитительны! (*Беретъ руку жены своей и цѣлуетъ ее нѣсколько разъ. Озеровъ въ навильонъ въ сильномъ волненіи*).

ОЗЕРОВА. Вѣдь онъ воображаетъ, что нашелъ во мнѣ скромненькую, простодушную женщину, изъ которой можетъ сдѣлать, что ему вздумается. Не правда-ли, какъ онъ смѣшенъ.

ГОРСКІЙ. Уморителенъ!

ОЗЕРОВЪ. Не женщина, а дьяволъ! Я съ ума сойду!!!

ГОРСКІЙ. Но забудьте о немъ. Какъ я вамъ благодаренъ, милая Sophie! за то, что вы не отказали мнѣ въ этомъ свиданіи. (*Цѣлуетъ руку жены*).

ОЗЕРОВЪ. Цѣлуются!.. Нѣтъ... это мнѣ вѣрно послышалось.

ГОРСКАЯ (*тихо*). Да ну, врп, что-нибудь.

ГОРСКІЙ. (*также*). Я и то цѣлый день вру на себя небылицы.

ГОРСКАЯ. Я буду суфлировать. (*Шепчетъ ему*).

ГОРСКІЙ. Конечно, я васъ вижу здѣсь каждый день, но все этого мало: боишься и вашего чудака, и моей дурочки. Ахъ, какое сладостное удовольствіе быть наединѣ съ такой душечкой! Глазами виваться въ это личико, и твердить: люблю, люблю, люблю... Ахъ, какъ пріятно повторять это слово, и въ особенности слышать его взаимно изъ устъ обожаемой женщины. (*Озеровъ въ навильонъ, въ сильномъ безпокойствѣ задвѣкаетъ за мебель и шумитъ*). Повтори, повтори, что и ты любишь меня. (*Цѣлуетъ руку своей жены*).

ОЗЕРОВА. О да, и я люблю! люблю! (*Горскій цѣлуетъ жену, Озеровъ ломится въ дверь, потомъ бросается къ окну и выскакиваетъ изъ него въ садъ*).

ОЗЕРОВЪ. Нѣтъ! Все кончено! я убью ихъ! (*Выскочивъ бѣжитъ на нихъ въ бѣшенствѣ*). А! измѣнники! (*Всѣ хохочутъ. Увидя ихъ сидящихъ въ прежнемъ положеніи, въ сильномъ изумленіи пятится назадъ и говоритъ къ публикѣ*). Вотъ сръздался-то! Что мнѣ дѣлать?.. Смѣяться? Но у меня такъ вынянулось лицо, что мускулы не двигаются... Не сердиться же: это всего глупѣе. (*Вслухъ подходя и опуская смиренно голову*). Приношу повинную голову.

ВСѢ. Ха, ха, ха!

ОЗЕРОВЪ. Смѣйтесь, смѣйтесь, я кругомъ виноватъ.

ГОРСКІЙ (*вставая*). Нѣтъ! будетъ смѣяться! Тсъ! тише! перестаньте! Я вступлюсь за него! Помилуйте, да вы съ ума сведете хоть кого. Па-

вель Петровичъ, я тутъ ни въ чемъ виновать, что я ни дѣлалъ, что я ни вралъ на себя, все по ихъ приказу.

ОЗЕРОВЪ *(подавая ему руку)*. Я виновать!

ГОРСКАЯ *(лукаво смѣясь)*. А мнѣ вы никогда не простите...

ОЗЕРОВЪ *(перебивая)*. Этого урока? Напротивъ, я долженъ благодарить васъ за него. *(Переходя къ жень)*. Только, теперь я узналъ, какъ люблю жену мою и какимъ сокровищемъ не дорожилъ...

ОЗЕРОВА. Въ чемъ же доказательство этой любви?

ОЗЕРОВЪ. Во-первыхъ, въ томъ, что я чуть не умеръ отъ ревности, и будь я хоть въ пятомъ этажѣ, точно также выскочилъ бы изъ окна, какъ и теперь.

ОЗЕРОВА. А во-вторыхъ, чѣмъ ты докажешь свою любовь?

ОЗЕРОВЪ *(становясь на колѣни)*. Признаніемъ и исправленіемъ.

ОЗЕРОВА. А въ-третьихъ, чѣмъ заслужишь прощеніе?

ОЗЕРОВЪ. Вѣчною, неизмѣнною любовью.

ГОРСКАЯ. Я въ томъ порука.

ГОРСКОЙ. И я.

ГОРСКАЯ. Да ну же, полно прикидываться злою.

ОЗЕРОВА *(мужу)*. Встаньте. *(Озеровъ цѣлуетъ ея руку)*. Но при первой вѣтренности вашей, я непременно отошщу вамъ... сама знаю какъ

ГОРСКАЯ *(удерживая ее)*.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Съ мужьями къ мести
Ты никогда не прибѣгай;
Сама вѣрна будь долгу, чести,
А ихъ любовью исправляй.
На всякій случай будь готова,
Какъ нынче мужа обмануть:

(Показывая на Озерова и грозя шутя).

Чтобъ онъ не пикнулъ слова,
Не смѣль-бы и взглянуть!
Въ подобныхъ случаяхъ ведутъ себя различно.
Что жъ остается намъ?

(Показывая на публику). Вотъ обратиться здѣсь къ неподкупнымъ судьямъ:
Прошу васъ защитить публично:
Урокъ мужьямъ.